

В новом фильме "Белый олеандр" (White Oleander, режиссер Питер Космински) Мишель Пфайффер играет поэтессу Ингрид Магнуссен, убившую неверного любовника ядом белого олеандра. 44-летняя актриса рассказывает о себе и своей роли.

— Что привлекло вас к экранизации романа Дженет Финч "Белый олеандр"?

— Мне понравились тема и все женские характеры в романе. По иронии судьбы, мне хотелось играть любую из этих женщин, кроме той, чью роль мне пришлось исполнить. Я страшилась Ингрид и не знала, как ее играть. Я боялась, что не смогу показать все оттенки ее эмоций, все пласты ее души. В романе прописаны тончайшие психологические нюансы ее поведения.

— Что же заставило вас согласиться?

— Страх. Я поняла, что должна преодолеть его. Я никогда еще не играла такой роли. Первый раз в жизни я могла не думать, будут ли зрители симпатизировать героине. Чувствовала себя совершенно свободной. Главное — нащупать личность. Впрочем, поскольку я играю не главную роль, фильм не слишком сильно пострадал бы в случае моей неудачи. (Смех).

— В чем, по вашему мнению, главная идея фильма?

— Все, кто смотрел фильм, выйдут из зала с разными мнениями. Но для меня лично это история о том, где заканчивается родитель и начинается ребенок. О том, можно ли преодолеть то, что заложено с детства. Думаю, многие люди, посмотрев этот фильм, станут лучше понимать взаимоотношения матерей и дочерей. Но вообще-то "Белый олеандр" шире этой темы. Он говорит: человек — сумма всего, что он пережил, и что ему удалось совершить. Встреча с новым человеком в нужное время может полностью изменить течение твоей жизни. А встреченный вами человек даже догадываться об этом не будет.

— Что было для вас главным в вашей героине?

— Насколько ни была бы жестока Ингрид — а она порой довольно жестока, — она всегда честна. Я понимаю, насколько страшной и раскрепощающей может стать такая честность. И она готова платить за свою честность по самому высокому тарифу. Меня страшит и восхищает ее отношение к жизни. Мне никогда не стать такой, как она.

— Вы не боялись, что зрители безоговорочно осудят Ингрид и не увидят в ней никаких искупающих черт характера?

— Нет, не беспокоило, хотя по идее должно бы. Меня гораздо больше беспокоило, смогу ли убедительно сыграть, поверят ли мне в роли убийцы. Я надеюсь, удалось показать в ней не только жестокость, но и человечность. Что было нелегко: ведь до конца понять Ингрид я не могу. Когда я впервые прочитала книгу, этот персонаж остался для меня загадкой.

— Но вы в состоянии понять эгоизм художника?

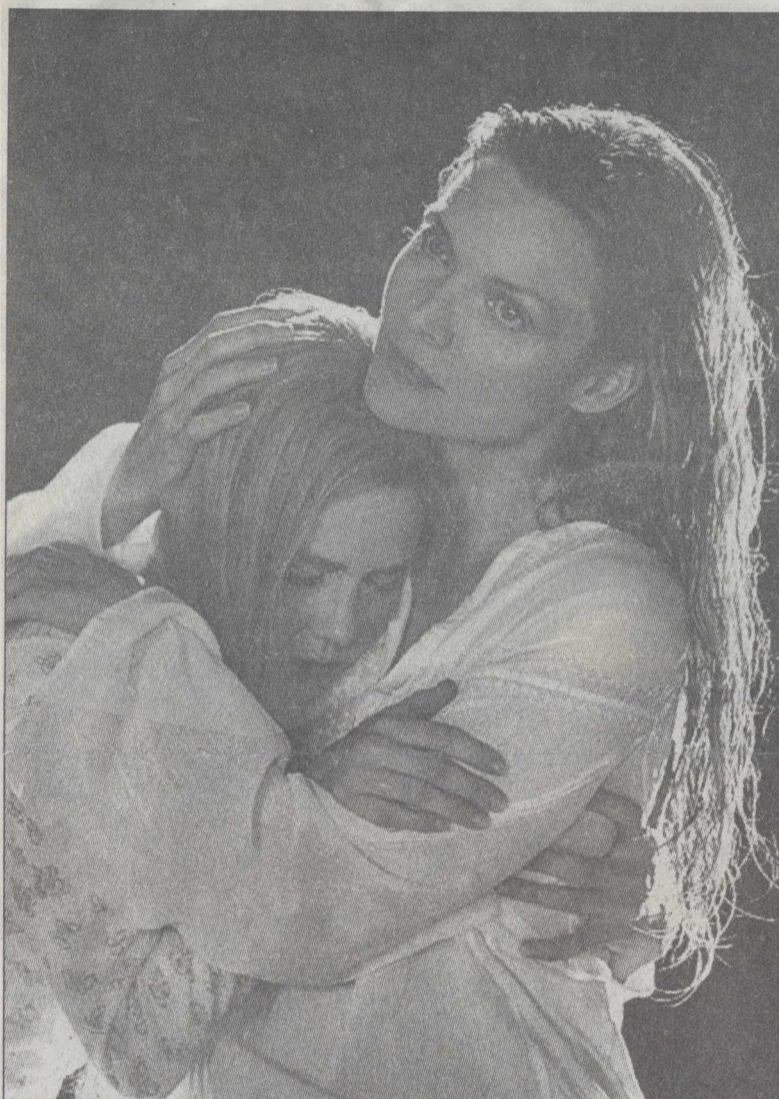
— Иногда я бываю нетерпимой и хорошо это осознаю. Но я никогда не смогла бы сделать что-то, что навредило бы моим детям, а Ингрид страшно травмирует дочь, совершая убийство и попадая в тюрьму.

— Вы часто отказывались от хороших сценариев, чтобы больше времени проводить с детьми.

— Я не очень стремлюсь работать. В молодости хочется постоянного одобрения, похвал, поэтому стараешься работать как можно

Мишель Пфайффер, или Матери и дети

Сьюзен ХОУАРД

больше. Когда я не работала, не находила себе места. Меня словно не существовало. Сегодня все иначе. Главное — семья. Я по-прежнему с удовольствием снимаюсь в кино, но если нет работы, не психую и просто наслаждаюсь жизнью.

— Многие актрисы жалуются сегодня на нехватку хороших сценариев.

— Мне грех жаловаться. Могу сказать только одно: порой мне присылают сценарии один лучше другого, а порой месяцами шлют нечто среднее между "плохо" и "очень плохо". Я соглашаюсь сниматься только в том случае, если мне по-настоящему интересно, и если я знаю, что мне будет приятно находиться на съемочной площадке. Иначе нет смысла отрываться от семьи и детей.

— Вы отказались от таких фильмов, как "Молчание ягнят", "Основной инстинкт", "Неспящий в Сиэттле", "Эвита", "Секреты Лос-Анджелеса", отказались от фильма "Женщина-кошка", в котором после вашего отказа согласилась играть Эшли Джадд. Почему?

— По разным причинам. По-настоящему я жалею только об "Эвите". Мне действительно очень хотелось сняться в той версии, которую собирался делать Оливер Стоун. Он пришел ко мне, когда я была на сносях, и предложил сниматься. Я

сказала: очень хочу играть Эвиту, но не уверена, что смогу петь и танцевать на нужном профессиональном уровне. Я долго занималась с преподавателем пения. Мы снимали пробные сцены для продюсеров. Но потом я узнала, что съемки должны проходить в Англии. Я не могла надолго уехать из дома, бросить новорожденного сына. А увезти его с собой означало разлучить его с отцом. И я отказалась. Но должна сказать, что мне понравилась версия с Мадонной, хотя она сильно отличалась от той, что хотел снять Оливер.

— В прошлом году вы замечательно сыграли женщину-адвоката в фильме "Я — Сэм". Вам не было обидно, что вы не получили номинацию на "Оскар"?

— В прошлом году было так много замечательных актерских работ, что Академия не могла отметить всех. Ведь номинаций всего пять.

— Вашим партнером по этому фильму стал Шон Пенн. Каково с ним работалось?

— Перед съемками я не знала, чего мне ждать. Я читала о нем много страстей-мордастей, понимала, что большая часть вранья, но все же немного опасалась нашей встречи. Я знала, что он гений, и что с гениями порой бывает трудно. Я говорила себе: "Мне предстоит работать с гением, я должна быть готова ко все-

му". Но мои страхи оказались необоснованными. Шон — милый, веселый человек, щедрый актер и самый большой приколыщик на свете. Мы говорили с ним об актерской работе, о погоде, о детях — обо всем.

— Сильно ли изменило вас материнство?

— Очень сильно. Я начала смотреть на мир глазами детей. Я строю свой рабочий день вокруг их школьных графиков. Сегодня я вообще не понимаю, как я жила раньше. Слово в моей душе была черная дыра, которая внезапно закрылась.

— Вас строго воспитывали в детстве?

— Я часто попадала в неприятности. Даже не знаю, почему. Я однажды украла игрушку в магазине. Менеджер поймал меня на месте и долго отчитывал. Потом все-таки отпустил. А моя сестра рассказала об этом родителям, и я получила еще один нагоняй. Родители считали меня безответственной и бестолковой. Они пытались приучить меня к тому, что нужно было, по их мнению, делать. Я до сих пор с радостью думаю о том, что мне не нужно готовить и есть индюшку на День Благодарения.

— Правда ли, что вы удочерили Клаудию Розу, и ваши родители ничего об этом не знали?

— Правда. Клаудия жила со мной уже месяц, когда я решила всем рассказать. Дело в том, что мы с родителями часто ссорились. Мы очень эмоциональные люди. Мы должны были родиться итальянцами. В тот год, когда я удочерила Клаудию, мы постоянно ссорились. Но когда они узнали об этом, мы сразу помирились. Клаудия помогла нам снова стать семьей.

— Вы думаете о детях, выбирая новые роли? Вас не беспокоит, как они воспримут ваших героинь?

— Конечно, я думаю о том, что подумают дети, когда увидят мой фильм. Но это не слишком сильно изменило мои киновкусы. При жизни отца я отказывалась кое от каких сцен, чтобы избежать его гнева. А теперь приходится думать о детях.

— Вы показывали им какие-нибудь ваши фильмы?

— Однажды пыталась. Я поняла, что многие одноклассники моих детей смотрели мои фильмы, а родные дети их не знают. Я долго думала, что может показаться им интересным. Решила показать "Бриллиант-2". Им стало скучно через 15 минут. Как вы думаете, это свидетельствует об их хорошем вкусе?

— Вы не боитесь растить детей оторванными от реальности?

— Иногда мне кажется, что перегибаю палку в другую сторону. Два года назад учительница сказала мне, что моя дочь — единственная в классе, кто не знает слова "лимузин". Как ни странно, сегодня я пытаюсь приучить детей к тому, против чего протестовала в детстве — трудолюбию, ответственности, аккуратности. Наверное, сегодня меня можно назвать занудой. Но мне ужасно хочется, чтобы мои дети не повторяли моих ошибок. Я понимаю, что должна давать им больше свободы.

— Что вы им скажете, если они захотят пойти по вашим стопам и стать актерами?

— До сих пор они не проявляли ни малейшего интереса к шоу-бизнесу, чему я очень рада. Шоу-бизнес был ко мне добр, но я понимаю, что мне просто очень повезло. В Голливуде очень трудно остаться нормальным человеком. Поэтому я совершенно точно знаю, что не позволю детям сниматься, пока они не достигнут совершеннолетия. А дальше от меня уже ничего не будет зависеть.